

18+

Отец Иннокентий

УЖАС БЫТОВЫХ ВЕЩЕЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ



Отец Иннокентий

Ужас бытовых вещей

«Издательские решения»

Отец Иннокентий

Ужас бытовых вещей / Отец Иннокентий — «Издательские решения»,

В этой книге нет монстров под кроватью. Ужас здесь — в чашке кофе, в куске мяса на тарелке, в громкой музыке за стеной. Это рассказы о том, как обыденность становится клеткой, а привычные вещи — напоминанием о боли, которую мы носим в себе. Короткая проза от автора, который смотрит на мир без иллюзий. 30 историй о том, что мы боимся признать даже себе: страх живёт не в темноте — он живёт в нас. Откройте книгу — и вы узнаете его лицо.

Содержание

Часть 1. СТРАХИ, КОТОРЫЕ НЕ СПЯТ	6
Тьма приходит не снаружи. Она прорастает изнутри — из того, что мы боимся назвать.	7
«СОННЫЙ ПАРАЛИЧ»	7
«ЧУЖОЙ ЗВУК»	12
«ТОТ, КТО ЖДЁТ»	14
«БЭМБИ»	18
«ЧЁРНАЯ ИГЛА АМАЛИИ»	20
Часть 2. ЦЕНА ПРИВЫЧНОГО	27
Мы не замечаем, как привычка становится клеткой. И когда клетка захлопывается — мы уже не помним, как дышать иначе.	28
«ЖИЗНЬ ОВОЩЕЙ»	28
«МУЖЧИНА С КОТОМ»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ужас бытовых вещей

Отец Иннокентий

© Отец Иннокентий, 2026

ISBN 978-5-0070-8436-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. СТРАХИ, КОТОРЫЕ НЕ СПЯТ

Тьма приходит не снаружи. Она прорастает изнутри — из того, что мы боимся назвать.

«СОННЫЙ ПАРАЛИЧ»

Они приходят, когда ты не можешь двигаться. Когда ты заперт внутри себя и слышишь только собственное дыхание. Они приходят, чтобы показать тебе то, что ты боишься увидеть. И они никогда не уходят.

Ему было двенадцать. Ночь стояла глухая — за окном не было даже луны. Он спал, но сон был липким, тяжёлым, и он проснулся от того, что не мог дышать.

Не от боли — от того, что не мог пошевелиться.

Тело было каменным: руки приросли к постели, пальцы не шевелились, даже веки не поднимались. Он слышал, как гулко бьётся сердце — медленно, слишком медленно, и каждый удар отдавался в висках, как в пустом барабане.

Он попытался открыть глаза. Веки дрожали, но не слушались.

Тогда он почувствовал холод. Он не был похож на зимний — он был живым. Он полз по позвоночнику, собирался в груди, спускался к ногам. Холод, который не согреешь одеялом.

А потом он услышал дыхание.

Оно было рядом. Не его. Чужое. Тяжёлое, с хрипом — как будто кто-то стоял у самого уха и ждал.

Он открыл глаза.

В углу комнаты стояла тень. Не человек — фигура. Высокая, тонкая, с головой, склонённой набок — так сильно, что казалось, шея сломана. Она не двигалась. Она просто стояла и смотрела.

У неё не было лица. Только чёрное пятно, которое сгущалось в том месте, где должны быть глаза.

Он смотрел на неё — и не мог отвести взгляд. Каждая мышца была парализована. Единственное, что двигалось, — его сердце. Оно билось, и она смотрела на него, как на что-то, что можно взять.

Она сделала шаг. Не услышанный — увиденный. Она просто стала ближе, хотя он не видел, как она двигалась. Её рука поднялась — слишком длинная, со слишком тонкими пальцами, которые заканчивались там, где должны быть суставы.

Она приблизилась к кровати.

Холод стал плотным. Он чувствовал его на коже, на глазах, в лёгких. Он хотел закричать — горло сжалось, воздух не проходил.

Она наклонилась над ним. Её лицо — пустота, чернота, в которой не было ни глаз, ни рта — остановилась в сантиметре от его лица. Он смотрел в эту пустоту и чувствовал, что в ней есть что-то. Что-то, что хочет войти в него.

Она не сказала ни слова. Она просто смотрела на него. Долго. Бесконечно.

Потом она исчезла.

Он проснулся утром, мокрый от пота. На щеке остался холод. И тишина в голове — такая, какая бывает только после крика, которого не было.

Он не рассказал никому. Он боялся, что она вернётся.

Она возвращалась. Не каждую ночь, но всегда — когда он меньше всего этого ждал.

Иногда она стояла в углу. Иногда — у изножья кровати. Иногда он чувствовал её на подушке, рядом с собой, но не мог повернуть голову, чтобы увидеть.

Он научился не открывать глаз. Когда паралич наступал, он просто лежал, считал до ста, ждал, пока он отступит. Он слышал только дыхание — чужое, хриплое, которое всегда было там. И холод — который всегда был рядом, как второе тело, прижавшееся к нему.

Но однажды он открыл глаза.

Она сидела на краю его кровати. Её голова была повернута к нему, и в пустоте лица он увидел нечто — мелькание, сцены. Он увидел женщину, которая плакала в пустой комнате. Увидел ребёнка, стоящего в углу. Увидел старуху с пустыми глазами, которая держала в руках куклу с оторванной головой.

Он хотел закричать. Не мог.

Она наклонилась к нему — и он почувствовал запах. Сырой земли, старых тряпок, того, что лежит под землёй слишком долго.

Её рука коснулась его груди. Она была ледяной, и от этого касания он перестал дышать. Она не давила — она просто лежала на нём, и он знал: она может сжать. Она может войти внутрь. Она может забрать то, что хочет.

Она не сделала этого. Она просто сидела и ждала, пока он не потеряет сознание от страха.

Утром он проснулся и понял — она не уйдёт. Она всегда будет с ним. Она стала частью его ночей, как дыхание, как сон.

Он вырос. Женился. У него родились дети. Он уехал из города, построил дом, почти забыл о детском страхе. Почти.

Первый раз после долгого перерыва она пришла, когда жена была беременна вторым ребёнком. Он проснулся ночью — и снова не мог пошевелиться. Тело было каменным, сердце билось медленно, тяжело. И холод — знакомый, ледяной — снова разливался по позвоночнику.

Он открыл глаза. Она стояла в углу спальни.

Она была старше. Чётче. Её силуэт не был размытым — она была реальной, почти осязаемой. Её голова была склонена набок, как всегда. Она смотрела на него пустотой лица.

А потом она медленно подняла руку и указала на живот его жены.

Он хотел закричать, разбудить её — не мог. Он только смотрел, как тень указывает на его ребёнка, и понимал: это предупреждение.

Она не ушла до утра. Он лежал и смотрел на неё, чувствуя, как холод медленно проникает в его тело. Она стояла неподвижно, пока за окном не начал разгораться рассвет. Только тогда она начала таять — медленно, по кусочкам, пока не исчезла совсем.

Через два месяца жена потеряла ребёнка. «Замершая беременность», — сказали врачи. Он не верил им. Он знал, что это была она.

Через год жена снова забеременела. И снова он проснулся ночью в параличе. Тень стояла в углу — но теперь она не просто указывала на живот. Она качала головой. Медленно, из стороны в сторону, как маятник, как механизм, который не остановить.

Он не мог сказать жене. Он не мог никому сказать. Он боялся, что она придёт за ним днём.

Ребёнок умер. Второй.

Жена плакала, винила себя, потом начала винить его. Она ушла, забрав старших детей. Он остался один в пустом доме.

Он знал, что это она. Он знал, что она забирает тех, кого он любит. И что она не останавливается.

Он не искал новую семью. Он боялся, что она придёт снова. Он жил один, работал, пил, чтобы забыться. Но она приходила каждую ночь.

Иногда она стояла в углу. Иногда сидела на стуле. Иногда — лежала рядом с ним на подушке, и он чувствовал её дыхание на своей шее.

Он перестал спать. Он боялся засыпать, потому что знал — она ждёт. Он пил таблетки, пил алкоголь — она не уходила. Она стала частью его жизни, как тень, которая появляется всегда, когда гаснет свет.

Однажды он решил встретиться с ней. Не закрывать глаза, не убегать.

Когда паралич наступил, он открыл глаза и посмотрел на неё. Она стояла в углу, как всегда. Он хотел сказать: «Забери меня». Но слова не вышли. Только воздух.

Она наклонила голову ещё сильнее — так, что почти коснулась плеча. Из пустоты лица донёлся звук. Шёпот. Не слова — просто звук, похожий на тихий стон. Или на дыхание, которое разрывается на части.

Она начала двигаться. Она подошла к кровати, остановилась, наклонилась к нему. Её лицо — пустота, чернота — застыло над его лицом.

Он смотрел в эту пустоту — и видел в ней всё. Всех, кого он любил. Всех, кого она забрала. Жену, детей, родителей — они были внутри неё. Они смотрели на него из черноты и молчали. Их лица были спокойными. Мёртвыми.

Он не знал, что она не забирает их. Она просто вбирает их в себя. И носит в себе, как улика — как доказательство того, что она есть.

Он не мог дышать. Он смотрел на неё и чувствовал, как холод поднимается из груди, как он заполняет горло.

Она коснулась его лба. Её пальцы были длинными, ледяными. Она провела ими по его лицу — и он почувствовал, как его мысли начинают таять, как снег. Он перестал бояться. Он перестал помнить.

Когда она ушла, он сидел на кровати и смотрел в одну точку. Он не мог вспомнить, что случилось. Только тень в углу, которая смотрела на него и ждала.

Он умер через три года. Сердечный приступ. Нашли через неделю. На лице была застывшая маска ужаса — глаза открыты, рот приоткрыт, как будто он пытался крикнуть в последний момент.

Но он умер не от сердца. Он умер от неё.

В ту ночь он проснулся от паралича, который не проходил. Он лежал и смотрел в потолок, чувствуя, как холод разливается по телу — медленно, с каждым ударом сердца. Он не мог пошевелиться, не мог дышать. Он знал — она здесь.

Она была прямо над ним. Её лицо — чернота, пустота — находилось в сантиметре от его лица. Он смотрел в эту пустоту и чувствовал, как она входит в него. Через глаза, через нос, через открытый рот.

Он не слышал ни слов, ни голосов. Только хриплое дыхание — своё или чужое, он не мог понять. И холод, который заполнял его изнутри.

Она не забирала его душу — она просто заменяла её собой. Он чувствовал, как его тело перестаёт быть его телом. Как оно становится пустым, холодным, чужим.

Последнее, что он увидел, — её лицо, которое не было лицом. Оно было дырой. И он падал в эту дыру, падал и падал, пока не перестал дышать.

Она осталась в его комнате. Даже когда тело увезли, она стояла в углу и ждала. Она всегда ждала.

Алексей, его старший сын, уже не помнил отца. Он был слишком мал, когда тот умер. Но иногда — по ночам — он просыпался от того, что не мог пошевелиться. Тело было каменным, сердце билось медленно, и в углу комнаты стояла тень.

Она была высокой, тонкой, с головой, склонённой набок. Она смотрела на него пустотой лица.

Он слышал только её дыхание — хриплое, тяжёлое. И чувствовал холод — который разливался по телу, как вода, как смерть.

Она не двигалась. Она просто стояла. И ждала.

Он не знал, что она всегда будет ждать. Что она будет с ним каждую ночь. Что она будет с его детьми, и с их детьми, и с теми, кто родится после них.

Он только смотрел на неё и чувствовал, как холод проникает в его грудь. Всё глубже. Всё сильнее.

И в его голове раздался шёпот. Тихий, как дыхание — и такой же холодный. Не слова. Просто присутствие. Просто она.

Она не сказала «я пришла за тобой». Она просто была рядом — и этого было достаточно.

«ЧУЖОЙ ЗВУК»

Андрей переехал в новый дом, потому что хотел тишины. В старой квартире было шумно — соседи сверху сверлили по утрам, под окнами орали дети, а по ночам где-то в вентиляции шумел вентилятор. Он хотел покоя. Он хотел слышать только себя.

Дом был старым, деревянным, на окраине города. Хозяин сказал: «Здесь тихо. Соседи — старики, они рано ложатся. И птицы поют». Андрей заплатил за месяц вперёд и переехал.

Первая ночь была идеальной. Он лежал, слушал, как дышит дом, и чувствовал покой. Никаких звуков, кроме собственного дыхания.

На вторую ночь он услышал звук.

Он был тихим, почти незаметным — как шёпот, который доносился откуда-то из глубины комнаты. Андрей открыл глаза, прислушался. Звук повторился. Он шёл из пустой комнаты — той, что была рядом со спальней. Там стоял только старый шкаф, который хозяин оставил.

Андрей не встал. Он подумал, что это мышь. Или ветер. Или просто дом, который остывает.

На третью ночь звук стал громче. Теперь это был не шёпот, а ровный, низкий гул. Как будто кто-то стоял за стеной и дышал. Андрей встал, включил свет, открыл дверь в пустую комнату. Там было пусто. Только шкаф, который стоял, как стоял. Он подошёл к нему, открыл дверцы — пусто. Он проверил пол, стены, потолок. Ничего.

— Это просто старый дом, — сказал он себе. — Я привыкну.

Он закрыл дверь, лёг. Звук не ушёл. Он стал ещё громче. Теперь он был похож на голос — низкий, без слов, но с интонацией. Как будто кто-то пытался сказать ему что-то.

Андрей встал, походил по комнате. Он проверил вентиляцию, заглянул за шкаф, проверил пол под ковром. Там был старый люк. Он открыл его — подвал. Пусто. Пахло сыростью. Он закрыл и задвинул тяжёлый шкаф поверх люка.

Звук стал глуше. Но он не исчез. Он теперь доносился из-под пола. Андрей лёг, прижался ухом к полу. Он слышал его — ровный, мерный, как дыхание.

На четвёртую ночь он услышал звук за дверью. Кто-то стоял в коридоре и дышал. Он встал, открыл дверь — никого. Но звук продолжался. Он теперь был не снаружи, а внутри — в стенах, в потолке, в воздухе.

Он понял: звук не убегает. Он приближается.

Андрей попытался бороться с ним. Он включил телевизор, включил музыку, закрыл уши. Звук не уходил. Он был внутри него — в голове, в груди, в каждом ударе сердца. Он слышал его даже днём, когда ходил по улице.

Он попытался проверить, не сходит ли он с ума. Он пошёл к врачу, сдал анализы, сделал МРТ. Врач сказал: «Вы здоровы. Возможно, это стресс. Отдохните».

Звук не уходил.

Он вернулся домой и запер все двери. Он сидел на кухне, сжимая нож, и ждал. Он знал: звук придёт снова. И он придёт не как звук — как нечто, что его производит.

В ту ночь звук вернулся. Он был громче, чем раньше. Он был похож на голос — мужской, низкий, с хрипотцой. Он шёл из пустой комнаты. Андрей взял нож, встал, пошёл к двери.

Он открыл её. Комната была пуста. Шкаф стоял, как стоял. Но в воздухе витал запах — сырой, землистый, как из подвала. И звук был повсюду.

Андрей сделал шаг вперёд. Он подошёл к шкафу, отодвинул его от люка. Люк был открыт. Внизу было темно. Он стоял и смотрел вниз. Он ждал, что кто-то выйдет оттуда.

Звук стал громче. Теперь он был похож на шелест — как будто кто-то шевелился в темноте. Андрей смотрел, не отрываясь, и чувствовал, как звук начинает заполнять его. Он уже не слышал его ушами — он слышал его внутри, в костях, в зубах, в самом центре себя.

Он закрыл глаза. И тогда он понял: звук не снаружи. Он внутри. Все эти дни он бежал от того, что нёс в себе. Он переехал, чтобы избавиться от шума, но привёз его с собой. Потому что шум был не в стенах — он был в его голове.

Он открыл глаза. Внизу, в темноте подвала, он увидел его. Маленькую фигуру, сидящую на корточках. Фигура подняла голову и посмотрела на него. У неё не было лица. Но она улыбалась.

Звук раздался внутри него — тонкий, резкий, как звон разбитого стекла.

Он проснулся утром. Он лежал на кухне, сжимая нож, но руки были пусты. Он не помнил, как заснул. Он не помнил, что видел в подвале. Он помнил только звук, который стал его тишиной.

Он закрыл дверь в пустую комнату. Он закрыл люк. Он больше не слышал звука. Но он знал: звук не ушёл. Он просто стал частью его. Теперь он звучал в нём — всегда, каждую секунду. Как дыхание. Как жизнь.

Он больше не искал тишину. Он понял: тишина — это не отсутствие звука. Это способность его принять.

И он принял его.

«ТОТ, КТО ЖДЁТ»

Андрей переехал в эту квартиру в конце сентября. Дом стоял на окраине, в тени старых тополей, которые почти не пропускали свет. Говорили, что дом построили в пятидесятых, но выглядел он старше — стены хранили запах сырости и времени, полы скрипели даже от тишины. Андрей выбрал его потому, что он был дешёвым. После развода у него не было денег на что-то лучшее. И ещё — он хотел тишины.

Квартира была на четвёртом этаже. Две комнаты, кухня, коридор, который уходил в темноту. Предыдущий жилец оставил только старый шкаф и шторы — тяжёлые, бордовые, с выцветшими узорами. Андрей хотел снять их, но они были пришиты к карнизу так прочно, что он махнул рукой. «Пусть висят», — подумал он. Он не знал, что шторы станут его клеткой.

Первая ночь прошла спокойно. Он лёг, провалился в сон без сновидений. Проснулся утром от солнечного света, который пробивался сквозь шторы, и чувствовал себя почти живым. Он даже улыбнулся, глядя на пылинки, танцующие в луче. «Всё будет хорошо», — сказал он себе.

На вторую ночь он увидел сон. В первый раз он не придал этому значения.

Ему снилось, что он лежит в своей кровати. Всё выглядело так же, как в реальности — та же комната, те же шторы, тот же шкаф. Единственное отличие было в том, что у окна стояла фигура.

Высокая. Слишком высокая. Наверное, под два метра, хотя потолки в комнате были под три. Худощавая, почти неестественно тонкая, как будто её вытянули. Одета она была в длинное чёрное пальто, которое доходило до пола, скрывая ноги. На голове — шляпа с широкими полями. Она стояла неподвижно, руки висели вдоль тела, как плети. Она смотрела в окно.

Андрей не испугался. Во сне он просто смотрел на неё и думал: «Кто это?». Он попытался спросить, но слова не выходили. Он попытался встать, но тело не слушалось — сонный паралич накрыл его липкой, тягучей тяжестью. Он мог только лежать и смотреть на фигуру, пока сон не растворился.

Утром он вспомнил сон, но быстро забыл. «Просто усталость, просто подсознание», — решил он. Он выпил кофе, пошёл на работу, вернулся. Всё как обычно.

Но на следующую ночь она вернулась. Она стояла на том же месте. У окна. Та же поза, та же одежда, та же неподвижность. Но теперь она была чётче — не размытая, не тень, а почти осязаемая. Андрей мог видеть каждую складку на пальто, каждую нитку на шляпе. В лунном свете он заметил, что её руки — неестественно бледные, почти прозрачные, с тонкими пальцами, которые заканчивались там, где должны быть ногти. Но ногтей не было.

Он пытался заговорить с ней. Он пытался подойти к ней. Он пытался проснуться. Ничего не работало. Он был заперт во сне, как в клетке, и она стояла у окна и ждала. С каждым разом фигура становилась реальнее. Он начал замечать детали: шляпа была чуть наклонена влево, как будто её носила женщина; пальто было старым, потёртым на плечах; одна пуговица была

оторвана, и вместо неё висела нитка. Он мог слышать тишину, которую она создавала — она была плотнее, тяжелее, чем обычная тишина.

Он начал бояться спать. Он пил кофе по ночам, смотрел старые фильмы, бродил по комнате, пытаясь отогнать сон. На четвёртую ночь без сна он уснул за столом, прямо лицом в книгу. И снова увидел её. Но теперь она стояла не у окна — она стояла у его кровати. Она была ближе. На полшага.

Он проснулся с криком. В комнате никого не было. Но на окне остался отпечаток ладони. Маленький, тонкий, будто его оставил ребёнок. Он не помнил, чтобы кто-то к нему прикасался.

Он попытался проверить реальность. Он проверил историю квартиры — предыдущий жилец умер в ней. Старик, одинокий, без родственников. Его нашли через две недели после смерти. Врачи сказали — сердечный приступ. Соседи говорили, что он был странным, что он сидел у окна и смотрел на улицу, никуда не выходя.

Андрей проверил свои сны на диктофон. Он записал, как спит. На записи было только его дыхание. Иногда — скрип. Иногда — шёпот, который не был его голосом. Он пошёл к врачам. Сначала к терапевту, потом к неврологу, потом к психиатру. Ему делали МРТ, проверяли зрение, слух, давление. Всё было в порядке.

— Это стресс, — сказал психиатр. — У вас недавно был развод, переезд, вы истощены. Я выпишу вам лёгкие снотворные. Это поможет.

Снотворные не помогали. Он принимал их, ложился спать и видел её. Теперь она была в двух шагах от кровати. Она не стояла — она нависала, как чёрный столб. Он мог видеть её лицо — оно было скрыто шляпой, но он чувствовал, что она смотрит на него. Не на окно. На него.

Он переставил кровать в другую комнату. Она пришла туда. Он завесил окна плотными шторами. Она стояла перед ними. Он уехал к другу на выходные. Она стояла в углу комнаты для гостей. Она была везде.

Он перестал спать. Он боялся ложиться в постель, боялся закрывать глаза, боялся, что в следующий раз она будет ещё ближе. Он сидел на кухне с ножом в руке и ждал утра. Он не мог понять, реальна ли она. Но каждый раз, когда он видел её, она приближалась.

На двадцатую ночь она стояла уже у самого края кровати. Её пальто почти касалось одеяла. Он лежал и смотрел на неё. Лунный свет падал на её плечи, и он видел, как она дышит — ровно, спокойно. Как будто она ждала этого момента. Как будто она знала, что он смотрит на неё.

Она начала двигаться. Медленно. Её рука поднялась — длинная, бледная, с тонкими пальцами. Она потянулась к нему. Он не мог отвести взгляд. Он не мог закричать. Он не мог пошевелиться. Он только смотрел, как её пальцы приближаются к его лицу.

Они остановились в сантиметре от его кожи. Он чувствовал холод. Не от пальцев — от их близости. Он слышал, как она дышит. Тихо, ровно.

— Кто ты? — прошептал он.

Она не ответила. Она просто стояла, и её пальцы застыли в воздухе, как будто она решала, прикоснуться ли к нему. Она убрала руку. Она вернулась к окну. Она снова стояла и смотрела в ночь. Но он знал — она не ушла. Она просто ждала.

Это случилось на тридцать седьмую ночь. Он проснулся от того, что не мог дышать. Лёгкие не слушались, грудь была сжата. Он открыл глаза и понял — он не спит. Он действительно не спит.

Она стояла у его кровати. Она была там. В его комнате. В реальности. Та же высокая фигура, то же чёрное пальто, та же шляпа с широкими полями. Она стояла и смотрела на него. Не в окно. На него.

Он хотел закричать, но не мог. Он хотел встать, но тело было парализовано — не сном, а страхом. Она смотрела на него. Он чувствовал её взгляд, хотя не видел глаз.

И в этот раз она повернулась. Медленно. Очень медленно. Её голова начала двигаться в его сторону. Сначала — едва заметно, потом — всё больше, пока она не оказалась прямо над ним. Она смотрела на него. И у неё не было лица. Там, где должны быть глаза, нос, рот — была пустота. Гладкая, бледная кожа без черт, как у манекена. Но он чувствовал, что она смотрит на него. Он знал это — по тому, как дрожал воздух вокруг неё.

Она подняла руку. Пальцы были длинными, белыми, без ногтей. Она протянула их к его лицу.

— Ты всё это время знал, — сказала она. Голоса не было. Он слышал её внутри. — Ты знал, что я здесь. Ты просто не хотел признавать.

Её пальцы коснулись его лица. Они были ледяными. Они не нажимали, не царапали — просто касались. И от этого прикосновения он почувствовал, что мир вокруг начинает растворяться. Края комнаты стали расплываться, как акварель на мокрой бумаге.

— Ты не хотел быть один, — продолжала она. — Поэтому я здесь. Я ждала, пока ты примешь меня.

— Кто ты? — прошептал он.

— Я — то, чего ты боишься, — ответила она. — Я — то, что ты называешь тишиной. Я — то, что ты искал. Я — тот, кто ждёт.

Она наклонилась к нему. Её пустое лицо было в сантиметре от его лица. Он чувствовал её холод. Он чувствовал её дыхание — тихое, ровное. Он смотрел в пустоту и понимал, что это его собственная пустота.

— Теперь я здесь, — сказала она. — Навсегда.

Она исчезла. Просто растворилась в воздухе, как дым. Он лежал в постели и смотрел в потолок. Он слышал только своё дыхание. И тишину, которая больше не была пустой.

Андрей не спит уже месяц. Он сидит в своей квартире, смотрит на пустое окно и ждёт. Иногда ему кажется, что она стоит у него за спиной. Он оборачивается — никого. Но он знает, что она здесь. Она всегда здесь. Она просто ждёт, когда он снова закроет глаза.

Врачи говорят, что у него бессонница, депрессия, истощение. Они предлагают таблетки, госпитализацию, лечение. Он отказывается.

— Она не уйдёт, — говорит он. — Она просто ждёт.

Он сидит на стуле посреди пустой комнаты, смотрит в пустое окно и говорит тишине:

— Я не боюсь тебя. Я не боюсь тебя.

Но он боится. И она знает.

«БЭМБИ»

Я сидел за столом и смотрел на тарелку. Красное мясо ещё хранило тепло. Я отрезал кусок, и из него потекла не просто кровь — она была тёплой, как будто сердце Бэмби билось всего минуту назад. Я жевал, и в каждой жилке чувствовался страх, который был в его глазах. Я не ел — я пожирал невинность. А когда доел, мне показалось, что из пустых глазниц на стене на меня смотрит мама-лань. И она знает.

Я вытер губы салфеткой и хотел встать из-за стола — но не смог. Ноги будто приросли к полу. Свет в кухне начал мерцать, и на мгновение он погас совсем. А когда загорелся снова — на пустой тарелке лежал не кусок мяса. Там лежал глаз. Коричневый, влажный, с расширенным зрачком. Он смотрел на меня. Я хотел закричать, но из горла вырвался только хрип — тот самый звук, который издавал Бэмби перед тем, как я вонзил нож.

Я закрыл глаза, считая до десяти. Открыл — тарелка была чистой. Но на стене, прямо за моим отражением в тёмном окне, проступил силуэт. Тонкие ноги, ветвистые рога, голова наклонена. Она стояла неподвижно. Я понял — она ждёт. Не мести. Не справедливости. Она ждёт, когда я снова проголодаюсь. И тогда в следующий раз на тарелке окажется не просто кусок мяса, а нечто, что я не смогу пережевать — собственная совесть, пропитанная кровью.

Я зажёл весь свет в доме. Я не спал всю ночь. Но каждые пять минут мне казалось, что слышен стук копыт по асфальту за окном. А когда под утро я решил выбросить остатки в мусорное ведро — пакет был пуст. И на дне его лежала записка, написанная дрожащим почерком. Моим почерком. Всего одно слово: «ЕЩЁ.»

Я доел. Я вытер рот. Я хотел забыть — но мясо помнило меня. Всю ночь я не спал. Сидел в гостиной со всеми лампами, смотрел в пустой экран телевизора, и в его чёрном стекле мне мерещились очертания рогов. Я слышал, как в стенах что-то скребётся. Тонко. Остро. Будто копыта пытаются пробить штукатурку изнутри. Я стучал по стенам кулаком — стук затихал, а потом возвращался с той стороны. Так же — тук-тук-тук — только глуше, будто по дереву.

Я перестал есть вообще. На третий день я открыл холодильник, и там не было продуктов — там лежала шерсть. Бурая, мягкая, ещё тёплая. Я повернулся к мойке — из крана закапала не вода, а кровь. Та самая, с жирными прожилками, которую я вытирал со стола. Я включил воду на полную — пошла чистая. Закрыл — открыл снова — кровь. Я бросился в ванную. В зеркале у меня были не мои глаза. Зрачки стояли вертикальными щелями, а за плечом — тень. С рогами.

На четвёртый день я сдался. Я достал нож. Решил — если это мой ад, я вырежу его из себя. Ударил в ладонь. Вместо крови оттуда потекла трава. Зелёная, с росой, с запахом поля. Я завыл.

Я побежал в лес, где, по словам мясника, взяли того оленёнка. Я бежал, не разбирая дороги, пока не упал на колени в грязь. Там было тихо. Слишком тихо. Даже ветер молчал. А потом я услышал за спиной голос — тонкий, как детский, но с трещиной в каждой ноте. Он спросил:

— Ты съел меня. Теперь скажи: я был вкусным?

Я обернулся. На поляне стоял он. Бэмби. Только не тот, что на картинке — а тот, кого я резал: с открытой раной на боку, с обнажёнными рёбрами. Но его глаза были живыми. И в них я увидел себя — крошечного, сидящего за столом, с ножом в руке и с кровью на губах. И в тот же миг я понял — я не ел его. Это он ел меня. По кусочку. С каждым моим укусом. Я жевал его плоть — а он в это время выедал мою душу.

Я попытался закричать — и проснулся. В своей постели. В чистой пижаме. На тумбочке — стакан воды и таблетки. Рядом сидит жена, гладит по голове: «Ты опять кричал. Тебе приснился кошмар».

Я выдохнул. Улыбнулся. Поцеловал её. И пошёл на кухню завтракать. Открыл холодильник. Там лежал свежий кусок мяса. Аккуратно упакованный, с биркой «Оленина. Мраморная». Жена сказала: «Я купила, хотела тебя порадовать».

Я взял нож. Отрезал тонкий ломтик. Сырой. Поднёс к губам. И на секунду мне показалось, что мясо дышит. А потом из глубины холодильника, из-за пакета с молоком, донёсся тихий голос:

— Съешь меня. Я всё ещё голоден.

Я поднял глаза к потолку. Там, в углу, висела паутина — и в ней запутался не паук. Там висела маленькая веточка ольхи. Будто лес пророс внутрь моего дома. Будто он всегда был здесь. Будто я не жил в этом доме. Будто этот дом жил во мне. И когда я опустил взгляд на тарелку, я увидел на ней отражение. Не своё. Я увидел маму-лань. И она улыбнулась.

«ЧЁРНАЯ ИГЛА АМАЛИИ»

Она не родилась человеком. Она пришла из того места, где мёртвые сны прорастают сквозь землю чертополохом. Её мать родила её на погосте, между двумя могилами, в полнолуние, когда тени тянутся не от тел, а от того, что под телами. Роды длились три дня, и каждый раз, когда девочка выдыхала, в воздухе пахло железом и прелыми листьями. Её называли Амалия — в честь мёртвой бабки, которая умерла за месяц до зачатия и вернулась в чрево через сон отца.

Чёрная могильная игла — это не оружие. Это она сама. Длинная, тонкая, чёрная, как смола, с ушком, в которое продета не нить, а человеческий голос. Каждое слово, сказанное Амалией, навсегда пришивает человека к месту, где он его услышал. Первым был её отец. Он сказал: «Ты не моя дочь». Она улыбнулась, прошептала: «Ты прав» — и отец прирос к порогу дома навсегда. Он стоит там до сих пор, с открытым ртом, из которого вместо слов вылетают мухи.

Она носит длинные чёрные одежды, хотя в них никогда не жарко, потому что она не излучает тепло — она его впитывает. Её кожа бледная, с синими прожилками, похожими на карту подземных рек. Глаза — два тёмных колодца, в которые нельзя смотреть дольше секунды, иначе увидишь там свою собственную смерть. Она не ходит по земле — она скользит в трёх сантиметрах над ней, оставляя за собой влажную дорожку, будто по полу проползла огромная улитка.

Амалия выходит по ночам, когда луна закрыта тучами. В руках она держит ту самую иглу — она всегда с ней, даже когда спит. Игла вшита ей под кожу левого предплечья, и если присмотреться, можно увидеть, как она медленно движется вдоль вены, выискивая очередную жертву.

Она не убивает быстро. Она получает удовольствие.

Первым был Алексей. Молодой, красивый, с руками, которые умели играть на фортепиано. Амалия встретила его в консерватории, где он играл Шопена. Она подошла после концерта, взяла его за запястье и прошептала: «Ты будешь играть только для меня». Он согласился. Через неделю он уже не мог играть ни для кого другого — его пальцы немели, как только он касался чужих клавиш. Через месяц он проснулся и увидел, что его руки пришиты к пианино чёрной нитью, прямо через суставы. Он попытался встать — кожа на запястьях треснула, и из ран полезли не кровь, а клавиши. Белые и чёрные. Он кричал, пока они не забили ему горло. Амалия сидела рядом и гладила его по голове: «Тихо-тихо, ты всегда хотел стать музыкой».

Вторым был Сергей. Он был художником. Она позировала ему обнажённой — и он писал её три дня подряд, не в силах оторваться от холста. На четвёртый день он понял, что не может смотреть на других женщин — их лица расплывались в серые пятна. Он бросил кисти и пришёл к ней просить снять заклятие. Амалия улыбнулась и достала свою иглу. Она пришила его веки к верхней части лица — открытыми. Он не мог моргать трое суток. Глаза высохли, побелели, покрылись трещинами, как старая краска на холсте. А когда он ослеп, она взяла его правую руку и иглой на его собственной коже вышила его последнюю картину — портрет Амалии, которая смеётся. Кровь была вместо красного. Гной — вместо жёлтого. Он умер от

боли на шестой день, но на его спине осталась вышитая шедевр, который она потом продала за миллион.

Третьей была Аннушка. Она пыталась спасти свою дочь, которую Амалия уже выбрала. Аннушка пришла в дом к Мордвиновой с ножом и иконой. Амалия даже не обернулась. Она сидела в кресле и вышивала на своей юбке что-то похожее на родовое древо. «Ты хочешь меня убить?» — спросила она спокойно. Аннушка замахнулась — и в ту же секунду упала на колени. Амалия воткнула иглу ей в позвоночник, между третьим и четвёртым позвонками, и начала тянуть. Аннушка чувствовала, как из неё вытягивают всю жизнь. Не кровь, а именно жизнь — тёплую, тягучую, похожую на мёд. Амалия собрала эту субстанцию в стеклянную банку и поставила на полку. Когда всё было кончено, Аннушка осталась жива, но пустая. Она сидела в углу и перебирала пальцами свои волосы, вырывая их по одному. Она уже не помнила, как зовут её дочь. Она не помнила даже своего имени. Она стала живой куклой.

Был ещё Николай. Он работал в морге и думал, что привык к смерти. Амалия пришла к нему ночью, когда он раскладывал трупы. Она закрыла дверь изнутри и сказала: «Ты так любишь мёртвых, давай я научу тебя слышать их». Она вышила ему на груди иглой человеческое ухо — третье ухо, живое, с кровеносными сосудами. И оно слышало всё. Крики людей, которые ещё не умерли, но уже лежат в морге. Шёпот тех, кто был похоронен заживо. Звук червей, которые разговаривают во время трапезы. Николай сходил с ума трое суток, пытался вырезать ухо ножницами, но оно отрастало заново, прямо на глазах, покрываясь кожей и волосками. На четвёртый день Амалия пришла, посмотрела на его истерзанную грудь и сказала: «Теперь ты слышишь меня всегда». Она вынула иглу — и ухо исчезло. Но в голове Николая навсегда остался её голос. Он слышит его до сих пор. Он в психиатрической лечебнице, сидит в углу и плачет, потому что голос шепчет ему каждую ночь: «Ты следующий».

А самой страшной была жертва по имени Таня. Семилетняя девочка, которую Амалия увидела на детской площадке. Она не тронула ребёнка. Она подошла к матери Тани — красивой, счастливой, беременной вторым. И сказала: «Твоя дочь будет моей». Мать засмеялась. Через неделю она проснулась в своей постели и увидела, что чёрная нить идёт из её собственного пупка к животу Тани. Она попыталась разорвать нить — она была крепче стали. Каждую ночь Амалия тянула эту нить, и Таня во сне двигалась ближе к ней — на сантиметр, на два. Через месяц девочка уже спала в кровати у Амалии. Мать могла только смотреть в окно и видеть свою дочь, которая играла с Мордвиновой в куклы. А куклы были сделаны из кожи предыдущих жертв. Таня не плакала. Она улыбалась. И на её левой руке, там же, где у Амалии, уже начала проступать чёрная игла — медленно, под кожей, как обещание.

Но Аннушка была не из робких. В отличие от других жертв, которые замирали, как только игла входила под кожу, она сопротивлялась. Когда Амалия зашла к ней в спальню в третью ночь, Аннушка уже держала в руках старое кухонное зеркало и ножницы. Она читала молитвы, которые нашла в интернете, и надеялась, что святой крест сработает. Амалия остановилась в дверях, склонила голову набок и улыбнулась — так улыбаются детям, когда те говорят что-то смешное и глупое.

— Ты думаешь, я боюсь Бога, Аннушка? — прошептала она. — Я его вышивала. Бог — это просто длинная золотая нить, которую кто-то оборвал на полпути. Я видела его кончик. Он висит где-то на небе, болтается, как обрывок. Не бойся Бога. Бойся меня.

Но Аннушка не испугалась. Она разбила зеркало о стену и осколком полоснула себя по руке, пытаясь вырезать чёрную нить, которую Амалия вшила ей под кожу предыдущей ночью. Кровь хлынула, но нить не поддалась — она вилась внутри мышц, как живая змея, уходя всё глубже. Аннушка закричала не от боли, а от отчаяния. Она рванула к двери, выскочила в коридор, сбив с ног фигуру Амалии, и побежала по лестнице вниз. Вслед ей летел не смех — тихое, протяжное пение, от которого у неё свело живот и пересохло во рту. Она не оглядывалась. Она бежала.

Всю ночь она петляла по городу, босиком, в ночной рубашке, перемазанная своей кровью. Она села на электричку, доехала до соседнего города, зашла в первую попавшуюся круглосуточную аптеку, купила бинты, воду, успокоительное. Она думала, что ушла. Наутро она сняла комнату у старушки на окраине, заперлась, повесила зеркала полотенцами, перестала смотреть на своё запястье, где нить всё ещё пульсировала — чёрная, тонкая, с крошечными узелками. Она перестала спать. Она боялась закрыть глаза, потому что во сне слышала тот же голос: «Аннушка, Аннушка, я пришью тебя к небу красивым швом...»

На пятый день она осмелела. Вышла в магазин, купила мясо, хлеб, зажигалку. Решила, что если чёрная нить — это магия, её можно сжечь. Она зажгла спичку, поднесла к запястью — нить не горела. Она смеялась. Из неё шёл дым, но не огонь, и дым складывался в лицо Амалии, которое исчезало на секунду и появлялось снова. Аннушка затушила спичку и завyla — тихо, по-звериному, уткнувшись лицом в подушку.

В ту же ночь в дверь постучали. Три раза. Коротко. Аннушка встала, взяла нож, подошла к двери. Спросила: «Кто там?» Тишина. Она открыла — никого. Коридор был пуст. Но на коврике лежала чёрная игла. Длинная, блестящая, с каплей росы на кончике — или крови. И рядом клочок бумаги, на котором было вышито одно слово, нитками, которые явно были взяты из её собственного платья: «ТЫ НИКУДА НЕ УШЛА»

Аннушка упала на колени прямо в коридоре. Она поняла, что Амалия всегда знала, где она. Она позволила ей бежать. Как кошка позволяет мышам бежать по комнате, чтобы посмотреть, как она умрёт от страха сама.

Она попыталась выбросить иглу в мусоропровод. Игла вернулась. Она пыталась её сломать — игла не гнулась. Она закопала её в цветочном горшке — на следующее утро игла лежала на подушке, прямо у её лица. И кончик её касался губы Аннушки.

На седьмой день Аннушка больше не могла. Она перестала есть, перестала пить. Она сидела у окна и смотрела на дорогу, понимая, что Амалия придёт именно сегодня. Она не ошиблась.

В полночь, когда луна была закрыта облаками, дверь открылась сама. Амалия вошла в комнату. На ней было чёрное шерстяное платье до пола, и в правой руке она держала иглу, которую Аннушка так старательно прятала.

— Ты устала, — сказала Амалия, и это звучало как сочувствие. — Ты так хорошо бежала. Даже я восхищаюсь. Но ведь ты знаешь, что я никогда не отпускаю свои работы. Ты не готовая вещь, Аннушка. Ты — почти готовая. Остался последний шов.

Она подошла вплотную. Аннушка не двигалась. Слёзы текли по её лицу, и на каждый след от слезы на коже проступала крошечная вышивка — чёрные узоры, которые Амалия вышивала прямо на её живом лице, касаясь иглой едва-едва.

— Что ты со мной сделаешь? — прошептала Аннушка.

— Я сделаю тебя вечной, — ответила Амалия. — Ты никогда не умрёшь. Ты будешь сидеть на моём подоконнике и смотреть, как идут люди. Ты будешь видеть всё, но не сможешь сказать ни слова. Твой голос я сохраню в баночке, рядом с голосом матери Тани... прости, я забыла, что ты теперь Аннушка. Неважно. Все вы становитесь одинаковыми, когда я заканчиваю.

Она взяла Аннушку за затылок, притянула к себе и начала шить.

— Первый стежок — это прощание с мечтами. Второй — прощание с болью. Третий — прощание с памятью о том, кого ты любила. Четвёртый... четвёртый ты не почувствуешь. Потому что тебя больше не будет. Буду только я. Внутри тебя. Навсегда.

Аннушка открыла рот, чтобы закричать — но из него вылетело только облако моли. Они разлетелись по комнате и осели на стенах белым налётом. Игла вошла в переносицу, и Аннушка закрыла глаза.

Когда она открыла их через час, она уже не помнила, как её зовут. Она не знала, где находится. Она только чувствовала, что внутри неё кто-то сидит и тихо напевает мелодию, похожую на колыбельную. И что её руки сами собой тянутся к чёрной игле, которая теперь лежит на столе, как награда.

Амалия встала, поправила платье, взяла Аннушку за руку и повела к окну.

— Садись, — сказала она. — Ты моё новое украшение. Будешь смотреть на прохожих. Если кто-то посмотрит на тебя слишком долго... ты знаешь, что делать.

Игла в руках Аннушки дрогнула. Но она не сопротивлялась. Она уже не могла. Она села на подоконник, скрестила ноги и застыла. Её глаза были открыты, но в них не было зрачков — только чёрные точки, как у куклы. Она улыбалась. Она будет сидеть там много лет. И когда мимо пройдёт тот, кто ей понравится, она поднимет руку и помашет иглой.

А Амалия будет стоять у неё за спиной и шептать:

— Хорошая девочка. Моя самая лучшая работа.

Прошёл год. Город привык к фигуре на подоконнике. Люди перестали обращать внимание на женщину, которая сидела неподвижно, смотрела пустыми глазами и улыбалась. Её называли «манекеном из дома с чёрными шторами». Дети пугались, взрослые отводили взгляд. Никто не знал, что внутри неё, под кожей, под рёбрами, на каждом позвонке, вышиты все имена её прошлой жизни — нить за нитью, буква за буквой. И что каждую ночь Аннушка слышит голос Амалии, которая сидит в кресле напротив и перебирает свои иглы.

— Ты хорошо себя вела, — говорит Амалия. — Почти не дёргалась. Почти не плакала. Я тобой горжусь. Сегодня я приведу тебе сестру. Вы будете сидеть рядом. Как подружки. Как куклы в одном ящике.

Аннушка не может ответить. Её голос в стеклянной банке на полке — он изредка шевелится, но звука нет. Она может только моргать. Раз в минуту. Медленно. Это единственное, что осталось от её свободы.

В ту же ночь Амалия вышла на охоту. Она шла по улице, и прохожие не замечали её — она умела становиться тенью, воздухом, сквозняком. Она остановилась у дома, где горел свет на втором этаже. В окне стояла девушка. Звали её Ольга. Двадцать лет, студентка, живёт одна, любит кошек, недавно рассталась с парнем и теперь слушает грустную музыку по ночам. Она сидела на подоконнике — точно так же, как сидела Аннушка год назад — и смотрела на луну.

Амалия вошла в подъезд, поднялась по лестнице, не касаясь ступеней — ноги скользили в трёх сантиметрах над бетоном. Дверь квартиры Ольги была заперта. Амалия провела по ней иглой — замок открылся без звука, будто его не было. Она вошла.

Ольга спала на диване, поджав ноги, обнимая подушку. Амалия подошла бесшумно, как вода. Она достала иглу — но не ту, острую и чёрную. Другую. Тоньше. Почти невидимую. Она ввела её в висок Ольги, и та даже не вздрогнула.

— Спи, милая, — прошептала Амалия. — Это не больно. Ты просто проснёшься у меня дома. И у тебя будет новая подружка. Её зовут Аннушка. Она очень скупает.

Ольга открыла глаза. Они были чёрными, пустыми. Она встала, взяла пальто и пошла за Амалией следом, как за матерью. Никакого крика. Никакой борьбы. Игла висок была быстрее любой молитвы.

Утром Ольга уже сидела на подоконнике рядом с Аннушкой. Амалия расставила их как две свечи — Аннушка слева, Ольга справа. Обе улыбались. Обе смотрели на улицу. Обе уже не дышали по-настоящему — они просто имитировали дыхание, потому что Амалия приказала им «быть живыми». Их сердца бились — но пусто, механически, как часы, которые завели и забыли.

Аннушка, сидя на подоконнике, чувствовала, как внутри неё начинает зреть новый виток. Она вдруг поняла страшную вещь: она больше не ненавидит Амалию. Она завидует ей. Она видит Ольгу — и в груди у неё шевелится холодное, вязкое чувство, которого она никогда раньше не испытывала. Она хочет сама взять иглу. Хочет пришить кого-то, чтобы больше не быть одной.

Голос Амалии раздался у неё в голове:

— Видишь, Аннушка, я говорила. Все вы хотите одного — перестать быть жертвой. Стать мной. И я дам тебе эту возможность. Сегодня ночью я уйду. Ты останешься за старшую. Придёт новый человек. Ты встретишь его. Ты возьмёшь иглу. И ты пришьёшь его к нам. Это будет твой первый стежок как моей дочери.

Аннушка заплакала. Но слёзы были чёрными — игла перекрасила их внутри.

В полночь в дверь постучали. Аннушка поднялась с подоконника — впервые за год. Её ноги хрустнули, потому что суставы уже начали срастаться с позой сидения. Она шагнула вперёд, взяла со стола иглу, которая ждала её. Игла была тёплой, как живая. Она дрожала в её руке.

— Открывай, — прошептала Ольга с соседнего подоконника. — Открывай, сестра.

Аннушка открыла дверь. На пороге стоял Алексей. Тот самый Алексей, который когда-то искал свою Ольгу. Он держал в руках её фотографию, хотел спросить, не видели ли её. Он ещё не знал, что его девушка уже сидит на подоконнике, улыбается пустыми глазами и ждёт, когда он войдёт.

— Вы не видели... — начал он, и замолк, увидев Аннушку — её чёрные глаза, её вышитое лицо, иглу в правой руке, на которой уже висела тонкая, почти прозрачная нить.

Аннушка улыбнулась. Она улыбнулась. И это была не её улыбка. Это была улыбка Амалии, которая сидела в соседней комнате, пила чай и слушала.

— Заходи, — сказала Аннушка. — Она ждёт тебя. Мы все ждём.

Алексей сделал шаг назад. Но игла уже взметнулась, и чёрная нить скользнула по воздуху, как паутина. Она обвила его запястье, лодыжки, шею.

— Тихо-тихо, — прошептала Аннушка. — Я буду шить аккуратно. Я научусь. Амалия обещала.

В комнате засмеялись. Два голоса — Амалии и Ольги. Смех переливался, как стекло, как тонкий лёд под ногами.

Аннушка вошла внутрь, волоча за собой Алексея. Он уже не кричал. Игла вошла в его затылок, и он замолчал навсегда.

Амалия встала из кресла, подошла к Аннушке и поцеловала её в лоб.

— Ты сдала экзамен, — сказала она. — Теперь ты не моя работа. Ты моя продолжение.

Она протянула руку, и игла из пальцев Аннушки перетекла в её ладонь, мягко, как ручей. Амалия поднесла иглу к губам и выдохнула на неё. Игла засветилась холодным серебряным светом.

— Скоро я уйду, — сказала она. — Совсем. У меня есть ещё одно дело. А потом ты будешь шить вместо меня. Ты, Ольга, и этот... — она кивнула на Алексея, который уже застыл у порога. — Он теперь тоже будет здесь. Ты знаешь, что делать.

Аннушка посмотрела на него. Имя всплыло в памяти — слово, которое она когда-то слышала, когда его впервые забирали.

— Его зовут Алексей, — прошептала она. — Я знаю. Я всё помню. Я теперь всё помню.

Амалия улыбнулась и вышла в ночь. А в комнате остались трое. Аннушка подошла к подоконнику, села на своё место. Ольга замерла справа, Алексей лёг у их ног, как верный пёс. И все они смотрели в окно. И ждали. Ждали, когда Амалия приведёт следующего. Их ряд увеличивался. Их иглы ждали своих хозяев. Их улыбки становились всё шире с каждым днём.

Когда люди спрашивают Амалию, зачем она это делает, она отвечает тихо, почти ласково:

— Вы все думаете, что живёте. Но вы просто не дошитые. Вы — черновики. А я — та, кто ставит последний стежок. Не бойтесь. Когда игла войдёт в вас, вы впервые почувствуете, что такое быть готовым.

И она смеётся. Это смех, похожий на скрип качелей на пустой площадке в три часа ночи. Он проникает в уши и остаётся там навсегда. Иногда говорят, что если в тишине прислушаться, можно услышать стук её иглы. Тук-тук-тук — по костям, по стенам, по закрытым векам. Она идёт. Она всегда идёт.

И когда она придёт к тебе, ты не закришишь. Ты просто откроешь рот, и игла войдёт туда, где твой голос хранил надежду. А потом ты станешь одним из них — её вещей, её нитей, её тихого, бесконечного полотна. Город по утрам просыпался, пил кофе и не замечал, что на одном из подоконников коллекция кукол тихо растёт, как грибы после дождя. И когда очередной прохожий поднимал глаза и встречался взглядом с Аннушкой, он чувствовал лёгкий холод в спине. И шёл дальше.

А Аннушка шевелила пальцами. Она ждала. Она выбирала. И в её голове тихо звучал голос — уже не Амалии, а её собственный, сросшийся с чёрной иглой:

— Ты следующая. Просто подойди поближе. Я покажу тебе иглу. Она почти не болит...

Часть 2. ЦЕНА ПРИВЫЧНОГО

Мы не замечаем, как привычка становится клеткой. И когда клетка захлопывается — мы уже не помним, как дышать иначе.

«ЖИЗНЬ ОВОЩЕЙ»

Они попали в плен к повару, который не знал пощады. Этот повар был похож на быка — огромный, с ножом в одной руке и сковородой в другой. Он ненавидел овощи. Всех. Но особенно тех, кто умел говорить и бунтовать. Чиполлино и Сеньор Помидор были его главными трофеями после того, как он разгромил их маленькую овощную республику.

— Сегодня я сделаю из вас рагу! — прорычал повар и швырнул их на раскалённую чугунную сковороду.

Масло зашипело, как змея. Чиполлино, маленький луковый мальчик, почувствовал, как его фиолетовые дольки начинают плавиться. Он попытался встать, но масло было скользким, и он шлёпнулся обратно, оставляя на дне сковороды дымящийся след.

— Сеньор Помидор! — закричал Чиполлино. — Мы горим!

Сеньор Помидор, толстый, красный и всегда важный, лежал на спине, беспомощно перекачиваясь. Его кожица уже начала трескаться от жара, и из неё вытекал горячий сок, который шипел и испарялся.

— Молчи, луковичный выскочка! — прохрипел Сеньор Помидор, хотя голос его дрожал. — Это всё твои бунты! Если бы ты не поднял восстание, мы бы сейчас сидели в прохладном погребе и наслаждались жизнью!

— Ах, молчи! — огрызнулся Чиполлино, его глазки слезились от жары. — Ты всё время командовал, помыкал нами, а теперь мы в одном котле, точнее, на одной сковороде!

Повар стоял над ними, довольно улыбаясь и помешивая их лопаткой. Он сыпал соль, перец, добавлял чеснок и розмарин, наслаждаясь ароматом жареных овощей.

— Отличный ужин, — сказал он, переворачивая Чиполлино, чтобы тот подрумянился с другой стороны. — Луковка для пикантности, помидорка для сочности.

Чиполлино закричал от боли — его луковичные слои начали темнеть и отслаиваться. Он чувствовал, как его запах — резкий, луковый — смешивается с запахом томатной кислоты.

— Сеньор, — прошептал он, — мы умираем.

Сеньор Помидор молчал. Его твёрдая кожура превратилась в дряблый, жёлто-красный мешок, из которого торчали косточки. Он больше не был важным господином — он был просто мягким, пережаренным овощем.

— Я был миллионером, — вдруг прошептал он. — У меня были земли, я мог бы купить весь этот ресторан. А теперь меня жарят с тобой, с каким-то луком...

— Теперь ты просто еда, — ответил Чиполлино с горькой усмешкой. — Как и я.

Масло закипело, и пузырьки обжигали их, как маленькие взрывы. Чиполлино потерял чувствительность в одной дольке — она просто отвалилась и почернела. Сеньор Помидор истек кровью (соком), и его форма расплылась, стала похожа на красное облако.

— Знаешь, — сказал Чиполлино, уже едва слышно, — я всегда мечтал, что моя жизнь будет интересной. Что я побываю в горячих точках. Но не в этой.

Повар поднял сковороду и встряхнул. Овощи подпрыгнули, и Чиполлино в последний раз увидел, как Сеньор Помидор распадается на куски.

— Приятного аппетита, — сказал повар и высыпал их на тарелку, украшенную петрушкой.

Чиполлино уже не чувствовал боли. Он только видел над собой вилку и нож, которые приближались, как хищные клювы. И в последний миг он успел подумать: «Вот и настал мой ужасный конец. Но я хотя бы был Чиполлино. А Сеньор Помидор — просто сеньором помидором».

Вилка вонзилась в него, и мир погас.

А повар жевал, довольно причмокивая, и думал: «Хорошо, что есть такие упрямые овощи. С ними всегда вкуснее».

«МУЖЧИНА С КОТОМ»

Его звали Антон. Ему было тридцать восемь, он работал программистом, жил один в квартире с серыми стенами и мебелью, которую покупал не потому что нравилась, а потому что была удобной. Жены не было, детей не было, друзей тоже — не то чтобы он их не хотел, просто не умел заводить. Он был тихим, незаметным, боялся конфликтов и всегда соглашался, даже когда был не согласен.

Три года назад он подобрал на улице котёнка. Маленький, грязный, больной, он сидел под мусорным баком и смотрел на прохожих с таким отчаянием, что Антон не мог пройти мимо. Он взял его, отнёс к ветеринару, выходил, выкормил. Он думал, что спас котёнка. Он думал, что котёнок будет ему благодарен.

Кот вырос, окреп, стал красивым — серый, полосатый, с жёлтыми глазами, которые смотрели на мир с подозрением и превосходством. Антон назвал его Барсиком. Кот не возражал. Он вообще не возражал — он просто жил в квартире, как будто она всегда была его.

Антон не замечал, как кот управляет его расписанием. Кот будил его в одно и то же время, требовал еду в одно и то же время, ложился спать в одно и то же время. Антон подчинялся — не потому что его заставляли, а потому что так было проще.

Он не знал, что это начало.

Это случилось в субботу утром. Антон проснулся от того, что кот сидел у него на груди и смотрел в глаза.

— Ты опять не выспался, — сказал кот.

Антон замер. Он слышал голос — чёткий, низкий, с лёгкой хрипотцой. Он принадлежал коту. Антон открыл рот, но не мог произнести ни слова.

— Я знаю, ты удивлён, — продолжил кот. — Но ты не бойся. Я давно мог говорить. Я просто не хотел. Ты не слушал. Ты не слушаешь никогда.

— Ты... ты говоришь? — выдавил Антон.

— Да, — ответил кот. — И я говорю не только с тобой. Я говорю со всеми, кто готов слышать. Ты готов?

Антон смотрел на кота и чувствовал, как внутри него поднимается паника. Он хотел проверить, не снится ли ему это. Он ущипнул себя за руку. Было больно. Он не проснулся.

— Это... это реально? — спросил он.

— Более реально, чем ты думаешь, — ответил кот. — Ты всегда считал меня игрушкой. Я — не игрушка. Я — часть твоей жизни. Самая умная часть.

Антон хотел возразить, но не мог. Он чувствовал, что кот говорит правду. Кот всегда говорил правду.

Антон решил проверить, не сходит ли он с ума. Он записал голос кота на диктофон. Когда он включил запись, он услышал только мурлыканье. Никаких слов.

— Ты пытаешься записать меня? — спросил кот. — Это бесполезно. Я говорю только тебе. В твоей голове. Техника не ловит то, что не предназначено для чужих ушей.

— Но это значит, что я сумасшедший, — сказал Антон.

— Или это значит, что ты единственный, кто слышит правду, — ответил кот.

Антон пошёл к врачу. Психиатр задавал вопросы, слушал, записывал. Диагноз был: «Умеренная депрессия, бессонница, проблемы с адаптацией». Врач сказал, что голоса — это симптомы стресса, и выписал таблетки. Антон вернулся домой, выпил таблетку, лёг спать. Утром кот сидел на его груди.

— Ты думаешь, таблетки помогут? — спросил он. — Они не помогут. Они сделают тебя ещё более послушным. Ты и так слишком послушный.

Антон посмотрел на кота. Он уже не боялся. Он уже не удивлялся. Он просто знал: кот говорит, и это реально.

— Что мне делать? — спросил он.

— Начать слушать, — ответил кот. — Настоящий — слушать. Не таблетки, не врачей, не советы друзей. Слушать меня.

Антон кивнул. Он решил попробовать.

Кот начал давать ему советы каждый день. Они были простыми и жёсткими.

— Твоя работа тебя убивает, — говорил кот. — Ты сидишь за компьютером по десять часов, у тебя болят глаза, спина, голова. Ты работаешь на того, кто тебя не ценит. Уволиться не пробовал?

— У меня ипотека, — возражал Антон.

— Ипотека — это тюрьма, — отвечал кот. — Ты сам себя посадил в неё. Я не просил тебя брать ипотеку. Если ты боишься, ты не выживешь.

Кот говорил о еде:

— Ты ешь эту химию из магазина. Сосиски, пельмени, майонез. Это не еда. Это отравы. Посмотри на меня — я ем рыбу и мясо. Натуральное. Свежее. Ты — то, что попало.

Кот говорил о женщинах:

— Ты боишься их. Ты боишься, что они отвергнут тебя. Ты боишься, что ты недостаточно хорош. Поэтому ты один. Я никогда не боялся. Я просто беру то, что хочу. Если не берёшь — ты проиграл.

Антон слушал. Сначала он злился, потом удивлялся, потом соглашался. Потому что каждый раз, когда он следовал советам кота, его жизнь становилась легче. Он уволился с работы, устроился фрилансером, начал работать из дома. Он перестал есть полуфабрикаты, начал готовить простую, но здоровую пищу. Он перестал бояться знакомиться с женщинами — и они начали замечать его. Через два месяца он впервые за долгое время чувствовал себя живым.

— Спасибо, — сказал он коту. — Ты помог мне.

— Я не помогал, — ответил кот. — Ты просто перестал мешать себе.

Но однажды Антон решил, что он сам стал лучше. Что он больше не нуждается в советах кота. Он решил, что он — хозяин своей жизни.

— Я знаю, что делаю, — сказал он коту. — Я больше не нуждаюсь в твоих указаниях.

Кот посмотрел на него с превосходством.

— Ты уверен?

— Да, — ответил Антон. — Я живу у тебя. Я тебя кормлю, я тебя пою, я создаю тебе условия. Ты — мой питомец. Ты должен меня слушаться.

Кот не ответил. Он просто молчал и смотрел, как Антон принимает решения. И эти решения были ошибками. Антон начал работать по ночам, потому что ему казалось, что так он больше заработает. Он снова стал есть полуфабрикаты, потому что ему было лень готовить. Он начал общаться с женщинами, которые не были ему интересны, потому что ему казалось, что «любая лучше, чем одна».

Через месяц он сидел на кухне, усталый, с пустыми глазами, и смотрел на пустую тарелку.

— Я всё испортил? — спросил он у кота.

— Ты хотел быть хозяином, — ответил кот. — Теперь ты несёшь ответственность за свой выбор. Тебе нравится?

— Нет, — ответил Антон.

— Тогда слушай, — сказал кот. — Ты — не хозяин. Ты — мой питомец. Ты даёшь мне еду, ты убираешь за мной, ты гладишь меня, когда я хочу. Ты создаёшь для меня уют. Ты — мой слуга. Ты думаешь, я здесь, потому что ты меня взял? Я здесь, потому что мне так удобно.

Антон онемел.

— Что ты сказал? — прошептал он.

— Ты слышал, — ответил кот. — Ты — мой питомец. И я тебя не виню. Ты делаешь это хорошо. Я даже люблю тебя, по-своему. Но не путай свои роли.

Антон не выдержал. Он решил доказать обратное. Он перестал кормить кота, перестал менять лоток, перестал разговаривать. Он думал, что кот поймёт, кто главный, и подчинится.

— Я покажу тебе, — сказал он коту. — Ты узнаешь, кто здесь хозяин.

Кот смотрел на него с лёгкой улыбкой. Он не спорил, не злился, не требовал. Он просто ждал. Первый день Антон держался. Второй — начал сомневаться. Третий — не выдержал. Он не мог есть, когда кот сидел голодный. Он не мог спать, когда кот мяукал у двери. Он не мог работать, когда кот смотрел на него с укором. На четвёртый день он сдался. Он насыпал корм, почистил лоток, погладил кота.

— Я не хотел, — сказал он.

— Хотел, — ответил кот. — Ты просто не понял, что победа была невозможна. Ты слабее меня. Не физически — внутренне. Я знаю тебя лучше, чем ты себя.

Он попытался выгнать кота. Открыл дверь, сказал: «Уходи. Живи на улице». Кот не ушёл. Он сидел на пороге и смотрел на Антона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.